

НЕОСПОРИМОСТЬ СВЯЗИ БИО-ТЕХНО- СОЦИО-СФЕР. ДОСТОЕВСКИЙ, ЦЕНОЛОГИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ

Петрова Галина Арсеньевна

E-mail: g.petrova.a@yandex.ru

Казалось бы, понятия, вынесенные в заголовок – абсолютно несовместны и не отвечают наименованию секции «Устойчивое развитие». Однако, не всё так просто и однозначно.

Почитаемый во всём мире Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), несомненно – великий человек, наделённый даром провидения. Но всё же сомнительно, что великий писатель, занятый сложными семейными и финансовыми проблемами и погружённый как и всякий творческий человек в решение и реализацию на бумаге писательских и психологических сюжетов, читал работы известных нам по библиографическим спискам биологов и математиков, мог предвидеть зарождение и становление общей и прикладной ценологии, а тем более – проникнуть в суть гиперболических H -распределений. Однако, как это ни удивительно, основной принцип гиперболы он уловил совершенно определённо и интуитивно правильно, правда, не предполагал наличия точки перегиба R как таковой и средней части кривой. Однако и ноева, и саранчёвая касты устами Родиона Раскольникова очерчены им совершенно чётко: "все люди делятся на две категории – на низших и на высших людей. Низшие люди живут в послушании и любят быть послушными. Высшие люди реализуют великие цели и идеи. Если такому человеку требуется для реализации своей идеи перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он, внутри себя, может дать себе разрешение перешагнуть ...". ... то есть "не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует".

Необходимо отметить, что Раскольников в своих размышлениях, для сравнения, упоминает и червя, и вошь... Но если вошь – существо как многочисленное, так и пренеприятнейшее, можно сказать – омерзительное, связанное даже с определённого рода людскими болезнями, то (хочу обратить на это особое внимание) червь (земляны́е или дождевы́е черви /лат. Lumbricina/) – червяки (в обиходе), в обилии окружающие нас на дачном участке, на грядке, в лесу, у реки, для нас безобидны и чрезвычайно нам, людям и земле – полезны. Так мы переходим к распределению по параметру – по его (червяка) значимости для человека.

В самом деле, представьте себе газон, грядку без червяков, без их многочисленности, без их невероятной силы, способных с применением потрясающей и непостижимой механической особенности ввинчиваться в любой уголок почвы, перерабатывать найденное по ходу и потреблённое – в гумус, обогащая почву и кислородом, и гумусом, разрыхляя её и делая (прообраз безотходной технологии, способствующей устойчивому развитию) пригодной для обработки и выращивания прекрасного цветка или вкусного яблока, сладкой морковки или душистого укропа. А наблюдали ли вы, как червяк размножается, каких малюсеньких и беззащитных розовеньких червячков можно периодически обнаружить в компостной куче или рыхлой грядке? Всё это семейство вызывает восхищение своей полезностью и вложенным в него Создателем глубочайшим смыслом существования. Про преимущества живого червяка на рыбалке и говорить нечего, да и в лесу на ядовитый гриб червяк не полезет. Иными словами, по всем показателям червяк – изумительно полезное человеку существо.

Но как такой индивид как человеческая особь, с высоты своего статуса «венца творения» (который, кстати, он сам себе и определил) обходится с этим червяком? Отвечу:

беспощадно, безжалостно, бездумно, во многом – с брезгливостью и отвращением. Вспомните детишек, которые могут безжалостно разорвать червяка своими детскими маленькими пальчиками (заметьте – на глазах родителей!). Или сколько этих безобидных созданий человек давит на дороге ногами или шинами на асфальте, особенно после тёплого обильного дождя, когда десятки их выползают из земли и "переходят дорогу" (как и, кстати, те же полезные лягушки).

Как же мыслящий человек относится к червю (лягушке)? В основном так же, как названный в начале размышления Раскольников : он считает себя неким высшим существом, который выбрал себе право "мочь": "задаю себе вопрос: вошь ли человек? – то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет...".

И далее: "Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что всё... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, – более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться".

"Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее... "

"Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же

масса ставит каменных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать. Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и – *vive la guerre éternelle* (Да здравствует вековая война (франц.)), – до Нового Иерусалима, разумеется!" И в завершение: "Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!.."

Итак, общее – относительно справедливости существования ноевой и саранчовой каст в гиперболическом законе распределения – на этом закончилось. Как мы видим – несомненно наличие некоего непримиримого антагонизма между обитателями этих двух частей кривой. В этом-то и отличие ценологической теории от длительно обдумываемого и анализированного Раскольниковым мнения об увиденной людской иерархии. На мой взгляд, ошибка Раскольникова (читай – Достоевского) состояла в том, что в хвостовой части внутри правильно и оптимально организованного Номо-биоценоза фактически не должно быть антагонизма, как он его понимал, поскольку каждому его члену помогает эффект вложенности ценозов и, согласно Н-распределению, согласно иерархии, в идеале (при раскрытии способностей каждого члена Номо-биоценоза) каждая особь найдёт в нём своё место, т.е. обеспечит социальную устойчивость общества.

А поскольку структурно-топологическая динамика жизни и развития Номо-биоценоза – подвижна и постоянно развивается, трансформируется во времени (её уровень, её поверхность может подниматься и опускаться относительно оси x вверх/вниз), то любая особь при наличии способностей, желаний, заинтересованности и помощи самого ценоза может свободно передвигаться по этой поверхности, "перепрыгивая" преодолевая в отдельных случаях точку R и поднимаясь вверх по оси y хоть до самой первой точки.

"Мелочи, мелочи главное!.." А что такое мелочи в нашем случае? Правильно: тот самый хвост нашей прекрасной фундаментальной гиперболы, на которой стоит вся кривая! Те самые многочисленные червяки, пчёлы, муравьи, действующие в рамках безотходной технологии, в отличие от человека, которому ума хватает только на то, что ведёт к безвозвратному загрязнению биосферы, осложнению существования практически всей социосферы и неправомерному и несообразному архистремительному "развитию" и «совершенствованию разнообразия» техносферы. Следует отметить и другие примеры "крупного-мелкого" в био-техно-социо-ценозах.

Река – и множество её притоков, включая родники, ручейки и др. Будет ли иметь место река как таковая без этой мелочи? Да она может не появиться вовсе!

Далее – раскидистое дерево. Его корневая система, состоящая из миллионов корешков-малышей, даже корешков-ниточек – разве это не необходимая часть этого дерева? Или крона – множество ветвей и веточек, побегов и почек, листьев и листочков. Будет ли дерево живо без этой зелёной кроны? Нет, конечно же!

Сам человек: разветвлённые кровеносная, лимфатическая и нервная системы, мышечная, костная. . . Можно ли назвать человеком то, что не обладает хотя бы одной из перечисленных систем?

Слон и муравей, орёл и колибри, кит и креветка. . . Крупных – всегда численно меньше, но по весу, вполне вероятно, они соответствуют равновесной системе, потому Земля и прекрасна, и жива ещё в своей красоте и разнообразии.

Перейдём к техносфере: к предприятию, и неважно – крупному или мелкому. Да, есть крупный прокатный стан, есть огромная дуговая сталеплавильная печь, но будут ли они отвечать решению поставленных перед этими агрегатами задач, не будь в них многих и многих мелких и маленьких составляющих деталей, тех самых винтиков-шпунтиков-кирпичиков?

Посмотрим на современную АЭС или ГЭС – огромные, занимающие соответствующие километровые территории. И дойдёт ли до жилого дома свет без клемм и клеммочек, проводов и проводочков, тех же самых винтиков и шпунтиков? Исключено полностью.

В социосфере – та же картина. Мегалополис, город, городок, посёлок, поселение, деревенька, хутор. . . Наверное, можно и ещё продолжить. От миллиарда человек – до нескольких тысяч или единиц человеческих особей в каждом.

Да и среди этих особей – полное и повсеместное разнообразие по любому из параметров. И чем более проявляется разнообразие как таковое во всех перечисленных и не попавших на эти страницы примерах – тем правильнее, целесообразнее, устойчивее сама жизнь.

А ведь необходимо ещё учесть и иное: каждое мгновение что-то исчезает с лица Земли, но что-то и возникает, тем самым поддерживая это необыкновенное свойство жизни во всех ипостасях – феномен разнообразия.

Вернёмся же к Достоевскому. На мой взгляд, высказанная автором Достоевским Ф. М. и озвученная персонажем – Родионом Раскольниковым – идея о противопоставлении и одновременно сравнении человека с любой иной тварью Божией по параметру – полезности и возможности самому для себя определить степень дозволенности и разрешить себе "преступить" – явное заблуждение, даже ошибка, исходя из положений закона информационного отбора (ассоциируемого как некий "штрих-код отбирающий востребованное чаще и более всего, всё же существующий). И уж кому-кому, но только не конкретному Раскольникову давать оценку людским массам. И каждая ошибка чревата нарушением устойчивости развития, болью и гибелью азаочарованиями.

Не противопоставление – но единство противоположностей! Об этом говорят новые, предложенные всего-то 50 лет назад науки – технетика и ценология (см. сайт kudrinbi.ru).